

Яблоневый сад. Рассказ

Вагоны. Платформы. Сутки в поезде. И вот наконец я здесь, в родном краю, где всё мне так знакомо: и маленький лесок, и эта речушка, которая когда-то казалась мне морем, и даже это небо, будто бы особенное, здешнее небо, напоминает мне о детстве и юности. Иду с сумкой, в костюмчике, такой взрослый, серьёзный такой, а ведь когда-то здесь же бежал весёлый и беспечный с рюкзаком из школы. Эх, память... память...

И вот подхожу я к дому своему. Одиноким стоит он и, быть может, также, как я вспоминает о светлом прошлом, когда внутри него кипела жизнь: мать занималась домашними делами, непоседы-сыновья то и дело играли и резвились, и хохот их разливался по всему дому. Захожу внутрь... всё на своих местах: и стол, и шкафчик, и две маленькие тумбочки, и кровати, и печка, только всё запылилось очень, даже состарилось как-то. Сажусь на стул. Гляжу на всё с такой ностальгией, с нежной горечью. То и дело всплывают картинки из прошлого. И мать там, в этих картинках, такая молодая, красивая, добрая, живая такая. Выхожу из дому и иду к погосту. Вспоминается как мы только приехали сюда. Мне было тогда лет девять, брату лет пять. Продали старый дом и переехали в эту деревню, так как в прошлой даже школы не было. Мама с двумя огромными сумками суетливо и неуклюже шла к дому, стараясь уследить за нами. И вот мы пришли. Зайдя внутрь, мама поставила сумки, села на кровать и с облегчением выдохнула, мы с братом, ничуть не уставшие в дороге, начали бегать по дому, смеяться, кричать что-то... Но вот я уж подхожу к погосту. Здесь, под берёзкой, вижу мамину могилку, заросшую травой. Упал на колени, припал лбом к земле и зарыдал: «Мама, мамочка, родимая, прости меня за всё, прости, что в детстве не слушал, что прихожу редко прости. Так люблю я тебя, мама, так люблю. Очень не хватает твоего присутствия, поддержки твоей, но верю, что сверху ты глядишь на меня и помогаешь мне на пути моём. Мама... мамочка... так хочется прижаться к тебе, руки твои натруженные нацеловать. Прости меня за всё, мама, прости...» Потом повздёргивал всю траву, протёр платочком портрет её, поднял глаза, вижу, вдалеке другая могилка, а на ней написано: «Степан Евграфович Ефимов». Снова воспоминания нахлынули.

В один из первых дней после приезда мать отправила меня за молоком. Идя уже домой, я услышал оклик позади себя. Обернувшись, я увидел шайку из трёх местных пацанов лет пятнадцати-шестнадцати.

-Слышь, мелкий, куда идёшь? - сказал один из них, самый старший и, по-видимому, главный.

-Домой иду.

-Дай молока попить.

-Это маме.

-Что жалко что ли?

-Отстаньте от меня, по-хорошему прошу.

-По-хорошему! Откуда это ты такой «хороший» взялся?

-Не твоё дело.

-Ишь какой! Пацаны, а ну-ка задайте ему.

Двое мальчишек закатали рукава и с ехидной улыбкой направились в мою сторону.

"А ну прекратить!" - раздался крик. Это был седой мужчина лет шестидесяти, с буханкой серого хлеба и банкой молока. - Прекратить, кому сказано!

-Атас, ребята! - крикнул главный из пацанов и все они побежали, куда глаза глядят.

Мужчина подошёл ко мне:

-Недавно приехал?

-Недавно.

-Как зовут?

-Петя.

-Ну что, Петя, пойдём, доведу тебя.

-Спасибо. - робко ответил я.

-За молоком послали?

-Ага.

-А сам то что, чем занимаешься?

-Да как все, в футбол играю и «в солдатов» .

-А читать любишь?

-Люблю.

-Ну вот, и уже не «как все». - он улыбнулся, блеснув добрым взглядом.

Тем временем мы подошли к моему дому. Вышла мама. Я испугался, что она узнает про всё, что было: не хотел, чтобы она нервничала.

-Здравствуйте. - сказала мама.

-Здравствуйте. Вот, привёл вам сына. На базаре мальчишки к девочке полезли, так он заступился, а мальчишки-то постарше него будут, так я довёл, чтобы ненароком не случилось чего.

-Ой, спасибо вам большое.

-Да не за что -немного помолчав, он обратился ко мне. -Ты, Петя, заходи вечерком, расскажешь, что читать любишь.

-Хорошо.

Он направился к калитке.

-Как вас зовут-то хоть? - крикнула мама.

-Степаном Евграфычем.

-Спасибо вам, Степан Евграфыч!

Вечером я пришёл к нему. Долго мы говорили. И о книгах, и о школе, и о деревне.

Оказалось, что раньше Степан Евграфыч работал в школе учителем литературы и русского языка. Он показал мне свой яблоневый сад, что представлял из себя пять рядом стоящих яблонь. Когда я уходил, он подарил мне книжку Жюль Верна и дал с собой несколько яблок.

Так я ходил к нему каждый вечер. Всегда давал он мне яблок со своего сада. Теперь вот гляжу я на могилку его. Воспоминания... воспоминания... Направился я к дому Степана Евграфыча. Подошёл, вижу, всё тот же дом и, боже мой, всё тот же яблоневый сад, и

яблони все усыпаны, ветви прогибаются под тяжестью плода. Сорвал я яблочко, откусил. Это был не кислый, не сладкий и не кисло-сладкий вкус, это был даже не вкус яблока — это был вкус детства, моего детства. Вдруг из дому вышел какой-то мужчина лет тридцати. Это был тот самый «главарь», тот самый пацан, который когда-то приказал своим дружбанам «задать» мне.

-Петя! - как-то вопросительно-удивлённо вскрикнул он. - Ты ли это?

-Я.

-А ты как здесь?

-Да вот заехал к маминой могилке.

-Батюшки! Как же давно я не видел тебя. Ты заходи в дом, чайку попьём что ли.

Коля (так звали его) завёл меня внутрь и усадил за стол.

-А я вот, здесь живу теперь. Родители мои скончались. Дом старый совсем стал. Степан Евграфыч умер лет пять назад, а родственников у него не было, так я и заселился. На могилку его хожу, прибираюсь. Сад сначала спилить хотел и огородик развести, да рука не поднялась — память всё-таки.

-Это да. - согласился я.

Коля был совершенно не такой, как в детстве, он очень изменился. Мы беседовали с ним до самого вечера. Он предложил остаться на ночь, я не отказался, хотя и планировал вечером уезжать в город. Коля пообещал, что будет присматривать за маминой могилкой. С меня же взял слово, что я буду приезжать почаще. Такое ощущение было, что тот грубый и некультурный пацан не мог стать таким вежливым, добрым, отзывчивым и весёлым мужчиной. Как знать, быть может, именно яблоневого сада, который он не спилил пять лет назад, был тем первым шагом от главаря пацанской шайки к настоящему человеку.

27.01.2019